

Пфлейдерер Отто

О религии и религиях

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
О-87

Отто П.
О-87 О религии и религиях / Пфлейдерер Отто – М.: Книга по Требованию, 2024. – 274 с.

ISBN 978-5-519-80026-6

ISBN 978-5-519-80026-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

I.

Сущность религии.

Сущность религіи.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ историческихъ религій, мы должны условиться на счетъ того, что мы будемъ понимать подъ религіей вообще. Самый простой отвѣтъ на этотъ вопросъ данъ уже древнимъ отцомъ церкви Лактанціемъ, исходявшимъ отъ этимологическаго значенія слова «религія». «Религія—это связь съ Богомъ чрезъ благочестіе». Это опредѣленіе вполне правильно, но оно требуетъ нѣкоторыхъ дополненій для того, чтобы быть общеприложимымъ. Существуетъ, какъ извѣстно, много религій, которыя чужды вѣрѣ въ единого Бога, а признаютъ множество боговъ, или духовъ, или же просто нѣкоторое неопредѣленное божественное начало, судьбу и т. п. Поэтому, чтобы распространить наше опредѣленіе и на эти религіи, мы будемъ употреблять понятіе «Богъ» въ общемъ смыслѣ. Мы скажемъ приблизительно такъ: то, съ чѣмъ религіозный человѣкъ чувствуетъ свою связь, есть сверхприродная, господствующая надъ міромъ сила. На это опять таки можетъ быть сдѣлано возраженіе, что боги болѣе примитивныхъ религій не господствуютъ надъ «міромъ», и что дикарь еще даже не знаетъ этого понятія. Понятіе «міра» въ нашемъ смыслѣ, какъ универсума, конечно, предполагаетъ развитое сознаніе, какое мы не вправѣ допускать на первыхъ стадіяхъ развитія человѣчества. Но остается вѣрнымъ, что уже дикарь считаетъ «свой міръ», т. е. совокупность данныхъ ему въ опытѣ явленій, связаннымъ съ его богомъ, какъ съ господствующей силой. Божество является всюду силою,

которая устанавливаетъ связь отдѣльныхъ формъ бытія, отдѣльнаго человѣка съ общественной группой и съ природной средой, создавая тѣмъ нѣкоторое цѣлое, и которая управляетъ этимъ цѣлымъ, такъ или иначе его организуя.

Эта стоящая выше сила вызываетъ въ человѣкѣ чувство зависимости и безсилія: отъ нея зависятъ его благополучіе и его страданія. Страданіе ощущается имъ, конечно, сильнѣе, и потому нельзя не признать доли правды въ той мысли, что страхъ породилъ впервые боговъ. Но это не вся правда. Человѣкъ въ такой же мѣрѣ считалъ всегда зависящими отъ божественной силы тѣ блага, которыми онъ владѣетъ или къ которымъ стремится, какъ и то зло, котораго онъ боится. Поэтому его связываетъ съ богами не только страхъ, но и чувство благодарности и довѣрія. Эту сторону религіознаго чувства особенно подчеркнул Гете въ прекрасныхъ стихахъ:

«In unseres Busens Reine wogt ein Streben,
Uns einem Höhern, Feineren, Unbekannten
Aus Dankbarkeit freiwillig einzugeben,
Wir nennen's Frommsein» *).

Существо, предъ которымъ я склоняюсь въ благодарности, не только предметъ страха, но также и упованія. Благодаря этому простой страхъ обращается въ благоговѣніе и чувство зависимости въ чувство обязанности и повиновенія, въ добровольное подчиненіе и преданность. Благоговѣніе и чувство обязанности мы испытываемъ также и по отношенію къ стоящимъ выше людямъ, предъ силой которыхъ мы склоняемся и на дружественное расположеніе которыхъ надѣемся. Но это чувство связанности въ отношеніи къ людямъ всегда условно, потому что при всемъ своемъ превосходствѣ они продолжаютъ оставаться съ нами въ одной и той же плоскости человѣческой ограниченности и несовершенства. Иначе обстоитъ

*) Въ нашей душѣ живетъ стремленіе добровольно отдаться изъ чувства благодарности Высшему, невѣдомому, самому возвышенному, и это стремленіе мы называемъ благочестіемъ.

дѣло съ божественной силой, управляющей все́мъ цѣлымъ нашего міра: она неизмѣримо выше насъ и намъ подобныхъ; по отношенію къ ней мы чувствуемъ свою полную зависимость, обязывающую къ безусловному подчиненію, мы во всемъ считаемъ себя связанными съ ней. Шлейермахеръ былъ поэтому правъ, когда онъ опредѣлялъ религіозное чувство, какъ чувство «безусловной зависимости». Однако это опредѣленіе легко можетъ привести къ недоразумѣніямъ. Можетъ показаться, будто религія заключается въ несвободной, рабской зависимости, исключающей всякую свободу. Это ни въ какомъ случаѣ не вѣрно. Уже одно то, что мы чувствуемъ себя ~~св~~занными и подчиняться божественной силѣ, заключаетъ въ себѣ предположеніе, что подчиненіе это есть свободный актъ нашей воли, не пассивная покорность судьбѣ, а требуемая отъ насъ самодѣятельность. Несвободная необходимость царить только въ природѣ, ея законы осуществляются сами собой; въ человѣкѣ же законъ цѣлаго становится требованіемъ, обращеннымъ къ его волѣ, и исполненіе его не вынуждается, а можетъ и должно быть добровольно осуществляемо. Прекрасно выразилъ это различіе Шиллеръ въ извѣстномъ двустишіи.

«Suchst du das Höchste, das Gröszte? Die Pflanze
mag es dich lernen:

Was sie willenlos ist, sei du es wollend, das ist's!»! *)

Эта проявляющаяся чрезъ волю связь съ Богомъ и есть благочестіе, вѣра, которую апостолъ Павелъ называетъ «послушаніемъ сердца». Далѣе, когда человѣкъ въ свободномъ повиновеніи отдаетъ себя Богу, онъ не боится потерять чрезъ это свою человѣческую свободу и свое достоинство, а, наоборотъ, вѣрить, что только въ союзѣ съ Богомъ онъ сможетъ стать по истинѣ свободнымъ отъ тяготы міра, отъ тисковъ природы внѣ насъ и отъ еще худшаго ига природы внутри насъ. Рабство

*) Ты ищешь высочайшаго и великаго? Научись у цвѣтка: будь по своей волѣ тѣмъ, чѣмъ онъ бываетъ помимо воли.

человѣка заключается въ его собственныхъ страстяхъ и въ страхѣ. Оно дѣлаетъ его несвободнымъ и несчастнымъ. Въ этомъ съ ученіемъ библіи сходится мудрость всѣхъ временъ—я упомяну лишь стоиковъ и Спинозу. Къ освобожденію отъ этого позорнаго рабства и отъ подчиненія природѣ ведетъ возвышеніе человѣка надъ природой, обращеніе его къ Богу, отказъ отъ собственной воли во имя божественной воли. «Повиновеніе Богу есть свобода»—сказалъ уже Сенека.

Правда, смыслъ этого освобожденія, содержаніе того счастья, котораго благочестивый ищетъ въ Богѣ и ждетъ отъ Бога, представляется весьма различно—въ зависимости отъ степени духовнаго и нравственнаго развитія людей. Отъ просьбы дикарей о помощи боговъ въ побѣдѣ надъ врагами или о дождѣ и плодородіи полей до молитвы псалмопѣвца: «сердце чистое созижди во мнѣ, Боже, и духъ правый обнови во мнѣ»—большое разстояніе. Задачей исторіи религіи и является прослѣдить этапы этого развитія. Но при всемъ различіи въ содержаніи преслѣдуемыхъ религіей цѣлей остается постояннымъ стремленіе человѣка въ союзѣ съ божествомъ освобождаться отъ цѣпей природы и отъ безпокойства собственнаго сердца. Вамъ извѣстны прекрасныя слова, сказанныя Августиномъ въ его «Исповѣди»: «Ты создалъ насъ для себя, и потому наше сердце не спокойно, пока оно не находитъ мира въ тебѣ». Можно сказать, что въ этомъ заключается тема всей исторіи религіи, что къ этому сводится законъ ея развитія отъ примитивнаго состоянія естественной религіи до высочайшихъ вершинъ религіи духа. При этомъ необходимо имѣть въ виду слѣдующее: для того, чтобы понять какой либо процессъ развитія, — въ природѣ или въ области духовной жизни,—т. е. выяснить его смыслъ и его общій принципъ, не слѣдуетъ брать масштабomъ его низшія формы и ими истолковывать цѣлое. Наоборотъ, ключъ къ пониманію цѣлаго, а слѣдовательно и низшихъ стадій его развитія нужно искать въ высшихъ формахъ, въ томъ, что является въ концѣ. Каковъ будетъ видъ дуба, нельзя опредѣлить по желудю, а только по выросшему изъ него дереву,—и о характерѣ че-

ловѣка нельзя судить по новорожденному ребенку, его можно узнать только тогда, когда ребенокъ превратится въ цѣлаго мужа. Точно также и о сущности религіи нельзя составить какого либо сужденія, имѣя въ виду лишь ея низшія ступени развитія, для этого необходимо остановиться на болѣе позднихъ и болѣе развитыхъ ея формахъ. Лишь тогда откроется глубочайшій смыслъ ея, который вначалѣ былъ скрытъ въ ней, какъ бессознательный инстинктъ въ дѣтской игрѣ. Къ сожалѣнію, въ настоящее время это часто упускаютъ изъ виду, и потому нѣкоторые ученые приходятъ къ страннымъ натуралистическимъ теоріямъ. Они прилежно работаютъ надъ изученіемъ примитивныхъ, грубыхъ религіозныхъ представленій, но повидимому не имѣютъ никакого понятія о подлинной сущности религіи. Не называя всѣхъ другихъ, я упомяну лишь о Фейербахѣ, извѣстнѣйшемъ и наиболѣе талантливомъ представителѣ этого односторонняго направленія, сдѣлавшаго то, что въ глазахъ многихъ друзей религіи стали подозрительными историко-религіозныя изслѣдованія. Изъ того неоспоримаго факта, что на низшихъ ступеняхъ религіознаго развитія въ молитвѣ и жертвамъ прибѣгаютъ въ большинствѣ случаевъ ради достиженія чувственныхъ и эгоистическихъ цѣлей, Фейербахъ выводитъ заключеніе, будто религія вообще есть порожденіе эгоистическаго сердца и мечтательной фантазіи, а боги—это фантастическія существа, образы желаній человѣка, созданные имъ для того, чтобъ путемъ самообмана освободиться отъ чувства полного безсилія. Но какъ же объяснить тогда то загадочное явленіе, что простая иллюзія могла сохраняться у всѣхъ народовъ въ теченіи тысячелѣтій? И какимъ образомъ именно это созданіе неразумія и больного эгоистическаго сердца оказалось самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для преодоленія природнаго эгоизма, для установленія и поддержанія разумныхъ нравовъ, порядка и культуры, однимъ словомъ, явилось главнымъ орудіемъ нравственнаго воспитанія человѣчества, какъ это неопровержимо доказывается исторіей религіи? Если и здѣсь имѣютъ силу слова: «по плодамъ ихъ узнаете ихъ», то изъ тѣхъ разумныхъ по-

слѣдствій, къ какимъ привела религія, мы въ правѣ сдѣлать выводъ, что религія по своему существу (конечно, не по своимъ часто несовершеннымъ формамъ проявленія) является не иллюзіей, а высшей правдой, и что ея начала нужно искать не въ неразуміи эгоистическаго сердца, а въ разумѣ, въ этомъ божественномъ дарѣ, который дѣлаетъ человѣческій родъ способнымъ подняться надъ природой.

Что идея Бога необходимо присуща нашему разуму, въ этомъ согласны всѣ серьезные мыслители, начиная Платономъ и Аристотелемъ. Мы различаемъ двѣ формы дѣятельности разума. Познавательная (теоретическая) способность его заставляетъ нашъ разумъ устанавливать гармоническій порядокъ во всѣхъ нашихъ представленіяхъ, сводя всѣ частныя явленія ко всеобъемлющей единой основѣ; въ этомъ объединяющемъ гармоническомъ порядкѣ и въ приведеніи въ связь всего разнообразія данныхъ заключается идея истины. Это послѣдній результатъ теоретической дѣятельности разума, лежащій въ основѣ его стремленія къ познанію. Но затѣмъ разумъ направляется на волевою дѣятельность души и пытается здѣсь также создать порядокъ и гармонію, рассматривая всѣ частныя цѣли и стремленія и производя сравнительную оцѣнку ихъ—въ зависимости отъ того, являются ли онѣ только цѣлями отдѣльнаго лица, имѣющими значеніе для даннаго момента, или же представляются цѣлями для всѣхъ и для всякаго времени. И здѣсь стремленіе разума къ единству находитъ себѣ удовлетвореніе лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ частныя цѣли оказываются подчиненными одной высшей, безусловно цѣнной цѣли.

Въ идеѣ добра, въ идеѣ долженствующаго быть, нужно видѣть послѣднее, къ чему приводитъ практический разумъ. Для всякой разумной воли и для всякаго разумнаго стремленія она представляется высшей цѣлью или идеаломъ. Но можетъ ли разумъ окончательно удовлетвориться этой двойственностью высшихъ идей, истины съ одной стороны, и блага съ другой? Примемъ во вниманіе, что непосредственно эти двѣ идеи во всякомъ случаѣ не покрываютъ одна другой. Напротивъ, въ

мірѣ явленій между ними всегда обнаруживается нѣкоторое противорѣчіе, идеаль должнаго никогда не совпадаетъ съ дѣйствительнымъ бытіемъ, а занимаетъ всегда по отношенію къ дѣйствительности до извѣстной степени отрицательную и враждебную позицію. Такимъ образомъ практическій разумъ, путеводной звѣздой котораго является идеаль блага, стоитъ, по видимому, въ непримиримомъ разногласіи съ теоретическимъ разумомъ, который имѣетъ дѣло съ истиной существующаго. И однако же это одинъ и тотъ же разумъ, стремящійся установить полное единство и гармонію во всей нашей духовной жизни. Смогъ ли бы онъ оковчательно успокоиться на двойственности и непримиримости идей истины и добра? Нѣкоторые думали, что онъ долженъ это сдѣлать, потому что разрѣшеніе этого противорѣчія въ высшемъ единствѣ не можетъ быть никогда доказано. Несомнѣнно, въ мірѣ многоаго и становящагося, въ мірѣ пространства и времени, послѣднее единство найдено быть не можетъ, противоположность бытія и долженствованія никогда не будетъ устранена вполне. Именно поэтому разумъ, если только онъ не желаетъ отказаться отъ самаго себя, вынужденъ доходить до послѣдняго и высшаго единства, лишь поднимаясь надъ міромъ. Въ этомъ высшемъ единствѣ, въ Богѣ, разрѣшаются всѣ противорѣчія, въ томъ числѣ и противорѣчія истиннаго и благаго.

Да, Богъ—это разрѣшеніе всѣхъ міровыхъ загадокъ,—и самой трудной изъ нихъ,—заключающей въ противоположности бытія и долженствованія. Въ идеѣ Бога стремящійся къ единству разумъ находитъ свое успокоеніе, свою конечную цѣль, которая съ самаго же начала предносилась ему, какъ стимулъ и регулятивъ всей его познавательной и цѣлеполагающей дѣятельности и которая дѣйствительно является альфой и омегой, предпосылкой и цѣлью всѣхъ его мыслей. Но именно поэтому, что идея Бога служитъ предпосылкой истины для всего нашего мышленія, основаніемъ той связи, какая устанавливается въ цѣломъ нашего представленія о мірѣ, именно потому истинность этой идеи не можетъ быть, въ свою очередь,

доказана какими-либо частными соображеніями, она не можетъ быть вскрыта, какъ отдѣльный элементъ въ цѣломъ нашей картины міра. Требовать или ожидать этого значило бы просто противорѣчить самому себѣ. Поэтому Богъ остается всегда объектомъ вѣры, а не опирающагося на доводы разсудка знанія. Но эта вѣра—не произвольное допущеніе, принимаемое напр. только на основаніи чужого авторитета и нарушающее требованія разума.

Напротивъ, вѣра въ Бога есть откровеніе самого разума въ его внутренней сущности, его божественной необходимости, стоящей выше какого бы то ни было произвола, или, другими словами—откровеніе божества въ человѣческомъ духѣ. Это «откровеніе», конечно, ни въ какомъ случаѣ не устраняетъ самодѣтельности человѣка, оно не сообщается ему въ видѣ какого-то готоваго дара, а дано ему, какъ задача, какъ непреодолимое стремленіе подняться надъ всѣми противорѣчіями вѣчнаго въ высшему единству, которое является основаніемъ всего сущаго и цѣлью всего долженствующаго быть (ибо «все изъ Него, Имъ и къ Нему», Рим. 11, 36). Уже тотъ фактъ, что намъ необходимо разрѣшить эту задачу, служить порукой тому, что она въ той или иной мѣрѣ разрѣшима. Если искать Бога заставляетъ насъ божественное стремленіе духа, то и найти его поможетъ намъ божественная сила духа,—найти, по крайней мѣрѣ, настолько, насколько для насъ, дѣтей времени, возможнымъ оказывается постигать вѣчный духъ, т. е. приближенно и подъ покровомъ чувственного образа, лишь въ зеркалѣ вѣчнаго, какъ бы въ смутномъ предчувствіи неразгаданной тайны. Но какъ бы ни были наши слова и наши понятія недостаточными для опредѣленія Бога, сама истина вѣры въ Бога этимъ не колеблется: она кроется «въ явленіи духа и силы» (1. кор. 2, 4). Вѣра въ Бога даетъ нашему разуму ручательство въ своей собственной истинности и въ то же время въ истинности всего мышленія и познанія міра. Она даетъ нашей совѣсти твердую опору въ чувствѣ обязанности, сообщаетъ нашей волѣ увѣренность, а нашей дѣятельности—силу исполненія.